

УДК 80.801.82

ЛИНГВОХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИКИ СТИХОВ ХАБАСА БЕШТОКОВА

Хавжокова Л.Б.¹, Хежева З.Р.¹

¹ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», Нальчик, Россия (360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18), e-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Проведен лингвистический анализ композиции и поэтики стихов известного кабардинского поэта Хабаса Бештокова. Акцентированы индивидуальные творческие методы построения художественной поэтической речи в тесной взаимосвязи с мотивными полями, содержанием и техникой оформления стихотворений. Определены лингвохудожественные приемы организации поэтического текста с опорой на положения известных философов, языковедов, литературоведов и критиков. Учтены труды различных лингвистических школ по обозначенной проблематике. В ходе всестороннего исследования языка поэзии Х. Бештокова выявлено, что поэтический текст автора характеризуется яркой образностью и сильной эмоциональной экспрессией, обусловленными обширным использованием в нем художественно-образительных средств языка, разнообразной лексики, фразеологических и паремнологических единиц, элементов афористики.

Ключевые слова: лингвистика, поэтический язык, стихотворение, поэтика, средства языка, художественный анализ.

LINGUISTIC-ARTISTIC ANALYSIS OF POETICS OF HABAS BESHTOKOV'S POEMS

Havzhokova L.B.¹, Hezheva Z.R.¹

¹ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», Нальчик, Россия (360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18), e-mail: lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

An analysis of the linguistic composition of poetry and poetics of the famous Kabardian poet Habas Beshtokov. To accent individual creative methods of construction art of poetic speech, in close relationship with motive fields, content and technology design poems. Linguistic-artistic determined methods of organizing the poetic text, drawing on the provisions of the famous philosophers, linguists, literary scholars and critics. It takes into account the works of different linguistic schools designated issues. In the course of a comprehensive study of the language of H. Beshtokov's poetry found that the author's poetic text is characterized by vivid imagery and strong emotional expression, caused by extensive use of it in artistic and visual language tools, a variety of vocabulary, phraseology and proverbs units aphoristic elements.

Keywords: linguistics, poetic language, a poem, poetic, means of language, art analysis.

Каждый художник слова, в особенности поэт, прежде всего является лингвистом. Без глубокого знания и интуитивного восприятия языка невозможно создавать на нем высокохудожественные произведения. По верному замечанию одного из ранних индийских теоретиков литературы Бхамаха (V в.), «поэзия – это слово (имеется в виду звуковой состав слова – Л.Х., З.Х.) и смысл, соединенные вместе» [5, с. 183]. Следовательно, в поэзии содержание и форма должны находиться в диалектическом единстве. Разделение поэзии на слово (звук) и смысл (содержание), на содержание и форму соответствует делению на «означающее» (significant) и «означаемое» (signify) у Ф. де Соссюра, «план выражения» и «план содержания» у глоссематиков и представлению о словесном знаке, который состоит из носителя значения (denotate) и самого значения (designate).

Согласно теории, выдвинутой в работах представителей семантической школы А. Ричардса и Ч. Огдена, чем бы ни была литература, она функционирует в языке, и отсюда любое произведение литературы может быть интерпретировано в терминах лингвистической теории, хотя необходимо отличать использование языка в литературе и вне ее. Как крайнее следствие такой точки зрения можно рассматривать известный тезис Р. Якобсона о том, что поэтика является «интегральной частью лингвистики».

Термин «поэтический язык» был введен в конце 20-х гг. XX в. представителями Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом и Н. Трубецким, которые выдвинули тезис о том, что «вместо изучения отношений причинности между разнородными системами нужно изучать *поэтический язык* (курсив наш – Л.Х., З.Х.) как таковой» [6, с. 81].

«Поэзия – есть поэзия, – писал Н. Асеев. – Она не наука и не ремесло. Наука руководствуется точным знанием, ремесло ограничивается рукоделием. Поэзия не является вполне даже литературой, особым видом ее, так как может существовать и вне литературы – в метком слове, в пословицах и поговорках, в тех летучих выражениях, которые неповторимы и часто остаются без вторичного их применения. Иногда они входят в обиход, в разговорную речь, но чаще остаются странным, как будто внелогическим построением речи, непривычным сравнением» [1, с. 12]. Таким «вспыхивающим и озаряющим сознание» сочетанием слов, логически часто не объединенных в разговоре, и является, по мнению Н. Асеева, язык поэзии.

Поэтическая речь отличается от обычной звучанием слов, их порядком, построением фразы, ритмикой, строфикой, системой рифмовки, синтаксическим строением. Наиболее емко определил это понятие В.П. Григорьев: «Поэтический язык определяется как язык с установкой на творчество, а поскольку всякое творчество подлежит и эстетической оценке, это язык с установкой на эстетически значимое творчество, хотя бы самое минимальное, ограниченное рамками одного только слова» [4, с. 76-78].

Слово – это основной формирующий элемент любого художественного произведения. В поэзии известного кабардинского поэта Хабаса Бештокова смысл слова углубляется и усложняется, создавая непередаваемые настроения, основанные на особом состоянии души лирического героя. Язык его поэзии отличается многообразным лексическим составом. Поэт широко пользуется иноязычной (в основном русскоязычной) лексикой: *галактика, цивилизация, демагог, инфаркт, бомба, валидол, вулкан, планета, космос, мрамор, молибден, нацискусство, нацидивизия, реванш, нацизм, матрос, мачта, динозавр, протез, астрономия, биология, профессор, ракета, ревматизм, директор, министр, агент, электрошаман, паром,*

талант, шедевр, сейф... Поэт включает в поэтический оборот современные термины, связанные с НТР. Слова *телеграф, телефон, сеть, ракетодром, аэродром, уран, рентген, радий, никель, стоп-кадр, атомный мотоцикл* придают его стихам современный стиль. При этом освоение достижений НТР не носит оптимистического характера, подчеркивается мысль о том, что научно-технический прогресс несколько опережает, а порой и затормаживает духовное развитие людей. Поэт широко пользуется и религиозными терминами, имеющими арабское, тюркское, иранское, грузинское происхождение: *чытап* (священная книга, молитвенник у мусульман), *къульшырыф* (монастырь), *чыристан* (христианство, христианин), *Буддэ* (Будда), *Мухьэмэд* (пророк Мухаммед), *инджыл* (Евангелие), *уаз* (проповедь), *бегъымбар* (пророк), *Алыхь* (Аллах), *къурІэн* (Коран), *жор* (крест), *Иблис* (сатана, дьявол), *жин* (джинн, дух), *тхьэ* (Тха – главное божество в адыгском пантеоне космогонических божеств), *шейтІан* (шайтан), *хьэрш* (место обитания душ в загробном мире), *дин* (религия, вера), *Іэмыр* (воля, требование), *жэнэт* (рай), *ахьрэт* (загробный мир, тот свет).

Язык поэзии Х. Бештокова затрагивает все сферы жизнедеятельности человека: политическую, социальную, экономическую, духовную. Поэт пользуется словами высокого стиля: *гений, шедевр, талант*, которые часто употребляются в переносном (иронизированном) значении – *фыщІакІуэ-гений* (вор-гений), и ставятся в один ряд с просторечными словами и выражениями, жаргонной лексикой: «*сыт къамывми – шедеврц*» («все, что не наболтают – шедевр») – слова *къэвэн* (болтать) и *шедевр* сочетаются здесь за счет того, что последнее используется в переносном значении.

В звуковой оболочке слова поэт ищет оттенки архаических значений о мире. В своей поэтической речи он устанавливает связь времен, используя устаревшую лексику (архаизмы и историзмы) наряду с современной: *пцы* (князь), *пацтыхь* (царь, король), *унэІут* (холоп), *бейгуэл* (слуга, сопровождающий князя или уорка), *блыгуцІэт* (приближенный высокопоставленного лица, например, князя), *афэ* (кольчуга).

Для придания особой песенно-музыкальной тональности своим стихам поэт вплетает в них элементы фольклора, пословицы, поговорки, афоризмы, фразеологизмы, цитаты: «*вы зимыІэм, шкІэ щІещІэ*» – букв. «тот, у кого нет вола, запрягает теленка», то есть «тот, у кого нет выбора, выбирает из того, что есть». У кабардинцев есть и другая пословица, перекликающаяся с ней – «*узыхэдэн уимыІэмэ, уи Іуэ ит къыхэх*» – букв. «если не из чего выбирать, выбирай из того, что есть в твоём загоне»; «*укъуэнищакъу* *баш хьэнищакъу*» – букв. «искривился как клюшка», т.е. «провинился» (в кабардинском языке слово *къуанишэ* имеет

два значения: 1) кривой, 2) виноватый. В данном случается напрямую используется первое значение, но подразумевается второе); *батэкьутэр гьэшыи* – «сделать что-либо выдающееся», «горы свернуть» (чаще употребляется с иронией); «*уи мыхьэдэ гьейи*» – букв. «оплакивать не своего (чужого) покойника», т.е. «лезть не в свое дело»; «*хьэрэкьуакIэ дыхьэжын*» - исчезнуть, сгинуть (хьэрэкьуакIэ – отдаленное место, у черта на куличках); «*цэджыжьыр егьэIуэжын*» - букв. «заставить перемолоть свой стог из снопов», то есть 1) «причинить кому-либо серьезный ущерб», 2) «проучить кого-либо».

В лирике Бештокова обнаруживаются многие оттенки слов, в которых выражаются различного рода чувства, состояние лирического героя: радость, печаль, тоска, гнев... Таковы **междометия** «*пIрегу*» («чур» - возглас в детских играх, которым предупреждают партнера, что совершаемое действие вне игры), «*ей*», «*уий*» («эй!»); выражает обращение, призыв к кому-либо), «*уэхьэхьей*» («эй», «караул»), «*уэху*» («уф», выражает чувство облегчения, успокоения, удовлетворения), оноματοпоэтические слова «*жьгьуатх*» (выражает звук, издаваемый при ударе, обычно при пощечине), «*цырхь*» (шорох; используется для обозначения еле слышимого звука).

Весьма удивительным представляется использование автором детской лексики при «взрослом» содержании стихотворений: *мэхь-мэхь* (в значении «нету»), *хьэбэ* (голова), *Iэбэ* (рука), *дадий* (красивый), *маIхэр* (овцы, ягнята), *фетэ* (конфета), *кьомбэ* (много), *си хьыдэз* (ласкательное обращение – «девочка моя»). Даже о войне, о раздоре, о неурядицах в мире, о трагической истории адыгского народа поэт говорит детской речью, используя архетип поведения ребенка:

Ахэри (пшэхэр – *Л.Х.*) шынагьуэ хьуащ. И они (тучи) стали страшными.

Пшэм я кьуагьым бомбэ

За тучами бомбу

Кьуэлъу пщIыхьу сэ сльэгьуащ,

Я видел во сне,

Бомбэ, бомбэ кьомбэ.

Бомбу, много бомб.

Иныхэм *фетэ* яфIэмыфI,

Взрослые не любят конфету,

Бомбэм нэхь йолIалэ.

Больше трудятся над бомбой.

Сабий кьабзэ, сабиифI,

«Чистое» дите, хорошее дите,

КIыхь тхьэм ищI уи пIальэр.

Пусть будет долог твой век.

[3, с. 367]

(Пер. подстр.)

Весьма неожиданно и оригинально **словообразование** в поэтической речи Х. Бештокова. От устойчивого выражения «*нэр пльызын*» (уставиться, уткнуться глазами в одну

точку, т.е. задуматься) поэт образует деепричастие «сынэбгъэплъызу» – букв. «заставляя меня уставиться глазами в одну точку, задуматься». В данном случае сочетаются сразу три способа словообразования: префиксальный – с- (I лицо ед.ч.), б- (II лицо ед.ч.), суффиксальный –у, сложение основ – нэ (существительное) + плъызын (глагол). Здесь также присутствует префикс каузативности гъэ, со значением «заставить что-либо сделать». Достаточно интересным представляются и другие лексико-семантические окказионализмы, встречающиеся в лирике поэта: *нацпагагъэ* (нацгордость – ср. нацдивизия), *догурыуэ* (судя по контексту – злоупотребляем: «ИтІани тфІэфІщи / ЗытщІмэ нэхъри бей дэ, / ТІэкІу догурыуэ / ДыщыдэІэбейкІэ. ДышеІэбыхкІэ – / ЩІым и куцІыр дошх...»). – «Но все же нам хочется / Быть более богатыми, / Поэтому немного злоупотребляем, / Когда тянемся вверх. / Когда тянемся вниз – / Истошаем землю...»), *къабэу* (судя по контексту, данное слово употребляется в значении «надыхают»: «ПщІыхъэпІэ, дэнэ уздэщыІэр? / Пшэ щІыІэ Іупэхэм къабэу...»). – «Сон, где ты? / Надыхают холодные губы облаков». Здесь больше подошло бы слово «къаІущэщ» – «нашептывают», «шепчут», но для усиления эмоционального эффекта автор приводит непривычную для кабардино-черкесского языка словоформу, образованную от глагола «бэуэн» с помощью префикса –къа), *дыгъэшэ* (солнечное молоко: *дыгъэ* (солнце) + *шэ* (молоко)), *дгурохуж* (ср. *тІэщІохуж* – забываем: префикс д- (II лицо мн.ч.) + устойчивое сочетание «гум ихужын» – букв. «выпасть из сердца» - «забыть»), *нэгъаишхэу* (*нэ* (глаз) + *гъэишхэн* (1. заставить чесаться, 2. накормить) – букв. «заставить глаза чесаться» или «вскармливая глаза». Судя по контексту, будет правильнее перевести как «ослепляя глаза» или «ослепительно»: «Нэгъашхэу жыгхэм зыкърах». – «Ослепительно нарядны деревья»).

Слова и сочетания слов в поэзии Бештокова имеют необычное **семантическое** наполнение. В сочетании «делэ ритм», переводимом как «сумасшедший ритм», поэт подразумевает не «быстрый, бешеный ритм», как может показаться на первый взгляд, автор использует его в прямом смысле – как «полоумный, дурной ритм» («дурной тон»). Обнаруживаются также сочетания слов, где наряду с семантикой обыгрывается **фонетика**: *хъэкъынишэ къулыкъу* (букв. «неоплачиваемая должность», т.е. «бесполезное занятие»), *выфэ фэльыр* (полоска сыромятной кожи крупного рогатого скота шириной в ладонь), *къыр бгъакъэ* (широкогрудая, грудастая скала), *бжъыхъэм* и *бжыхъэр* (плетни, изгороди осени).

Аллитерация – один из излюбленных приемов Х. Бештокова. В своих стихах он демонстрирует принцип создания стихов «по слуху», предполагающий погружение в глубины бессознательного. При этом наблюдается удачное сочетание звуков, ритмов и смыслов:

Цыхум ди Іэзагъыр
Куэду зэІыщІащ.
Бзум я губзыгъагъэр
БзийкІэ зэхэщІащ.

[2, с. 70]

Мастерство людей
Премного испорчено.
Разум птиц
Разведен (размешан) лучами.

(Пер. подстр.)

Последние две строки, в которых обыгрываются звуки «б» и «з», с помощью аллитерации приближены автором к поэтике народных скороговорок типа «шыбжиипль псы плъыжъыбзэ», «пыжь пызу пыту щыту иту жыг» и др. Поэт пользуется также музыкально-звукоподражательными и, шире, символическими свойствами словесных звучаний. В цикле стихотворений «Дорога снега» («Уэсым и гъуэгуанэ») слышится тонкая, еле уловимая мелодия снегопада, воспроизводимая многократным повторением звука «с»:

Уэсыр шабэу мэбауэ.
Псэм къыхосэ, мэтІыс.
Дыгъэ бзий къэтІэпІауэ
Хъэуа къабзэм щосыс.

[3, с. 100]

Снег мягко дышит.
Падает, оседает в душе.
Расцветшим солнечным лучом
Дрожит в чистом воздухе.

(Пер. подстр.)

В **синтаксисе** поэтического языка Х. Бештокова часто обнаруживаются умолчание, оборванная фраза, неполные предложения, формально незавершенная мысль, которые заставляют читателя замереть на высоте эмоциональной кульминации:

ПщІантІэм дэтщ ди сабий къомыр,
Хэт мэгъуэг, хэт къофэ...
Пщагъэгъупщэу къезбжэкІахэр,
Вождхэр куэдрэ...

[2, с. 20]

Наши дети во дворе,
Кто-то плачет, кто-то пляшет...
Заставляя нас забыть обо всем сказанном
Вожди много...

(Пер. подстр.)

Для придания своим стихотворениям художественной выразительности поэт использует синтаксические фигуры. Одна из них – **поэтическая инверсия**. Он пишет: «НэмыщІ уи нитІым къысхуэмыт» («Твоих глаз *кроме*, все хватает») вместо «Уи нитІым нэмыщІ къысхуэмыт» («*Кроме* твоих глаз, все хватает»).

В поэтической речи Бештокова присутствует много вопросительных конструкций, которые в основном носят риторический характер: «*Гуауэ псыдзэм мы дунеижьыр / Зэритхьэлэр зи лажьэр хэт?*» – «Чья вина в том, что этот мир / Тонет в потоке горя?».

Существуют особенности художественной речи, которые индивидуальны у каждого автора. Внутренний протест против празднословия, против «игры в поэзию», против

«искажения» языка – главный стержень всей поэзии Х. Бештокова, отличающейся точностью и выразительностью языка, эмоциональной яркостью. Язык произведений поэта колоритен, многослоен, что усиливает свежесть и глубину созданных им художественных образов. Его лирическая поэзия богата внутренней музыкальностью, многозвучными ритмами.

Список литературы

1. Асеев Н.Н. Разговор о поэзии. – М. : Советская Россия, 1962. – 96 с.
2. Бештоков Х.К. Золотая осень. (На каб. яз.). – Нальчик : Эльбрус, 2006. – 232 с.
3. Бештоков Х.К. Удивительный мир. (На каб. яз.). – Нальчик : Эльбрус, 2003. – 544 с.
4. Григорьев В.П. Поэтика слова: на основе русской советской литературы. – М. : Наука, 1979. – 343 с.
5. Гринцер П. Новая жизнь древней поэтики // Вопросы литературы. – 1976. – № 6. – С. 178-202.
6. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. – М. : Учпедгиз, 1960. – Ч. 2. – 331 с.

Рецензенты:

Бижоев Б.Ч., д.фил.н., зав. сектором кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г. Нальчик;

Хакуашева М.А., д.фил.н., ВНС сектора кабардино-черкесской литературы ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», г. Нальчик.